

СОКРАТ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОГОВОРА (Plato *Cratyl.* 431 D 1 – 435 C 9)

В статье рассматриваются некоторые трудности, связанные с определением позиции Платона в изображенной им в «Кратиле» коллизии натурализма и конвенционализма. Предлагается новая интерпретация той части дискуссии, в которой, как полагают многие исследователи, Сократ делает важную, если не решающую уступку конвенционализму (431 d 1 – 435 c 9). Автор статьи доказывает, что рассуждение Сократа, напротив, строго ограничивает роль конвенции в языке теми случаями, когда сходство имени с вещью по тем или иным причинам оказывается недостаточным. Сократ признает договор как необходимое в таких случаях согласие компетентного носителя языка с тем значением слова, которое соответствует языковому узусу. Это предполагает, что узус является общезначимым для всех носителей языка, и это позволяет считать, что значения слов восходят, по мысли Платона, к древним создателям языка, стремившимся, согласно доводам Сократа в предыдущей части дискуссии, создавать слова, подобные вещам. Эти значения слов сохраняются в языке в неизменном виде, несмотря на недостатки выразительных возможностей части слов в передаче задуманного их создателями сходства, благодаря, очевидно, их авторитету. Подобное ограничение претензий того радикального натурализма, который защищает Кратил, не имеет ничего общего с переходом Сократа на позиции его антагониста, Гермогена, который допускает произвольные изменения значений слов заурядными носителями языка и считает возникающий всякий раз новый договор о значении слова достаточным условием корректных обозначений. Напротив, в тексте имеется указание Сократа (435 a 10 – b2), обычно неверно интерпретировавшееся, согласно которому только уступка Кратила в этом направлении гарантирует сохранение натуралистического принципа, согласно которому слова должны быть по возможности подобны обозначаемым вещам.

Ключевые слова: Платон, «Кратил», натурализм, конвенционализм.

A. L. Verlinsky

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. verlinsky@mail.ru

Socrates on the need for convention in Plato's *Cratylus* (431 d 1 – 435 c 9)

The article discusses some of the difficulties related to determining Plato's position in the collision of naturalism and conventionalism depicted by him in the *Cratylus*. It offers a new interpretation of the part of the discussion in which Socrates is believed to make an important, if not decisive, concession to conventionalism (431 d 1 – 435 c 9). The author of the article proves that the reasoning of Socrates, on the contrary, strictly limits the role of the convention in the language to those cases when the similarity of the name with the thing for one reason or another is insufficient. Socrates recognizes the agreement which is necessary in such cases as the consent of a competent speaker of the language with the meaning of the word that corresponds to the linguistic usage. This suggests that the usage is universally valid for all speakers of the language, and this allows us to consider that the meanings of words go back, according to Plato, to the ancient creators of the language, who, according to the arguments of Socrates in the previous part of the discussion, sought to make words resembling things which they designate. These meanings of words are preserved in the language in an unchanged form, despite the shortcomings of the expressive possibilities of some words in conveying the similarity conceived by their creators, due probably to their authority. Such a limitation on the claims of the radical naturalism defended by Cratylus has nothing to do with the transition of Socrates to the positions of his antagonist, Hermogenes, who allows arbitrary changes in the meanings of words by ordinary speakers of the language and considers a new agreement on the meaning of a word that arises every time as a sufficient condition for correct designations. On the contrary, there is an indication in the text of Socrates (435 a 10 – b2), usually misinterpreted, according to which only a concession by Cratylus in this direction guarantees the preservation of the naturalistic principle according to which the words should resemble the things they designate as far as possible.

Key words: Plato, the *Cratylus*, naturalism, conventionalism.

Несмотря на интенсивность исследований диалога «Кратил» в последние два десятилетия (а в какой-то мере, видимо, и в силу этой интенсивности), некоторые важные вопросы, связанные с этим диалогом, продолжают вызывать разногласия. К их числу относится и вопрос, сторонником какой теории соотношения слов и вещей является сам Платон и к какому выводу стремится подвести Сократ своими рассуждениями — является ли принципом обозначения вещи в языке соответствие слова денотату (то есть этимологическое или «миметическое», звуко-

символическое соответствие) или же договор носителей языка, позволяющий обозначать любую вещь любым произвольно установленным словом, либо, наконец, некий компромисс между двумя этими позициями, представленными в диалоге соответственно Кратилом и Гермогеном. Не входя в детали многолетней истории изучения диалога, можно в целом сказать, что в течение долгого времени сам упомянутый вопрос не находился в центре внимания: большинство ученых полагало, что Платон в согласии с аргументацией Сократа на протяжении всего диалога стоит на стороне натурализма, но последняя часть его рассуждения, направленная против Кратила, ведет в конечном счете к компромиссу между радикальным натурализмом и радикальным конвенционализмом. Эта позиция соответствует буквальному смыслу слов, которыми Сократ заключает свое опровержение радикальной версии натурализма, представленной Кратилом (435 b 2 – c 2)¹.

Однако не все исследователи были готовы довольствоваться этим простым решением: Вслед за Виламовицем и некоторыми другими учеными, которые находили у Платона симпатию к конвенционализму, более определенно ту же мысль выразил Ричард Робинсон, выдающийся исследователь Платона. Робинсон считает, что Платон был сторонником конвенционализма, хотя, как он признает, прямых указаний на подобное отношение в самом диалоге нет, и хотя теория языка, развиваемая Сократом в диалоге, с начала до конца «по букве» соответствует натурализму (Robinson 1969). Тем не менее, Робинсон ссылается на косвенные указания: отсутствие в других диалогах каких-либо проявлений симпатии к теории «правильности имен по природе»; в «Седьмом письме» Платона, напротив, имеется пассаж, который указывает на изменчивость слов и выражений для одних и тех же вещей (343 b), что соответствует взглядам Гермогена. Кроме того, Робинсон склонен считать, что все аргументы Сократа в защиту натурализма против Гермогена в начале диалога содержат логические ошибки, причем ошибки такого рода, которую Платон не мог не заметить. Наконец, Робинсон находит признание приверженности Платона конвенционализму в той самой части текста, которая свидетельствует,

¹ Подобного взгляда придерживались многие исследователи Платона в первой половине XIX в., среди них корифеи платоноведения — Ф. Аст, Штальбаум, Целлер, позднее П. Фридлендер (Friedländer 1964: 197; 328 A. 28).

как будто, о том, что договор служит лишь вспомогательным средством для понимания референции слов, когда сходства слова с обозначаемой вещью оказывается недостаточным (435 а – с)².

Майкл Скофилд также полагает, что аргументы, выдвинутые Сократом против Кратила в этой части диалога, не только опровергают тот вариант натурализма, который защищает Кратил, но и дискредитируют натурализм в целом: вынужденное признание Кратилом необходимости конвенции в тех слу-

² Критическое рассмотрение всех доводов Робинсона выходит за рамки этой статьи; остановимся только на его соображении о том, что защита натурализма в «Кратиле» не имеет параллелей в платоновских диалогах. Здесь стоит вспомнить, что в платоновском «Хармиде», написанном раньше, чем «Кратил», Сократ в конце дискуссии выражает разочарование, что собеседникам так и не удалось постигнуть «вещь» для которой «законодатель» установил имя σωφροσύνη (175 b). Это место предполагает, что Сократ считает данное имя (и, по-видимому, также другие имена) установленным законодателем, а не посредством соглашения носителей языка, и имеет общую для всех референцию благодаря этому установлению, имевшему место, очевидно, в глубокой древности. Это утверждение, несмотря на его краткость, достаточно близко к сократовскому натурализму в «Кратиле». Что касается пассажа из «Седьмого письма», то, хотя акценты в нем расставлены иначе, чем в гораздо более раннем «Кратиле», он не противоречит взглядам, высказанным Сократом в этом диалоге: Сократ не спорит с Гермогеном относительно того, что практика именования и переименования вещей в обыденном языке имеет произвольный характер и, значит, нуждается в договоре носителей языка, однако он определенно не считает эту практику заслуживающей одобрения (Кратил также не оспаривает сам факт ошибочных, не соответствующих свойствам вещей, именований, см. 383 b 5–7, отказываясь, однако признавать подобные «имена» «именами», так что и он не должен оспаривать фактически представленную в существующем языке конвенцию). В «Седьмом письме» также имеется указание, что Платон не одобряет произвольные переименования: он сетует, что произвольный характер имен делает в свою очередь эпистемологически ненадежными высказывания, состоящие из ὀνόματα и ῥήματα (343 b 4 f.), что соответствует утверждениям Сократа в «Кратиле». Наконец, Платон в «Седьмом письме» высказывает уверенность, что, несмотря на дефекты обыденного языка, слова, как и составляемые из них определения, могут быть подвергнуты, вместе с равно ненадежными чувственными восприятиями, эленктической проверке, которая сделает их пригодными для познания. Это утверждение, по-видимому, проливает свет на то, как Платон мыслит использование обыденного языка в философских целях в «Кратиле».

чаях, когда дескриптивные свойства слова недостаточны для его понимания, ставит под сомнение саму необходимость подобия слова обозначаемой вещи, которую Сократ защищал на протяжении всей предшествующей части диалога (Schofield 1982).

В основе этой линии интерпретации лежит несомненно верное наблюдение, что многие аргументы Сократа не корректны, а сама натуралистическая теория, как она выступает в диалоге, содержит ряд нереалистичных требований к языку: слова («имена» в терминологии диалога) должны служить философски истинными определениями вещей, которые «кодируются» в их этимологии; создатели языка должны действовать под руководством философа-диалектика; понимание значения слов в идеале состоит не в уяснении их референции, но в декодировании их этимологии и распознавании символических значений звуков («букв» в терминологии Платона), из которых составлены простейшие слова. Кажется маловероятным, что Платон мог не заметить того, какую цену необходимо заплатить за реализацию на практике подобного воззрения.

Понятно, что подобная интерпретация диалога как скрытой защиты конвенционализма привлекательна тем, что обнаруживает у Платона большую трезвость в отношении дескриптивных возможностей языка и тем самым большую близость к нашему времени. Однако есть серьезные препятствия для того, чтобы с ней согласиться: во-первых, отсутствие прямых свидетельств в тексте, что конвенционализм в глазах Сократа в итоге одерживает верх, делает подобные построения неизбежно субъективными, опирающимися на косвенные указания, которые допускают разное толкование даже среди сторонников этой точки зрения; во-вторых, в платоновских диалогах нет ничего похожего на ситуацию, когда Сократ на протяжении всего диалога доказывал бы истинность воззрения посредством аргументов, которые сам читатель, без помощи Платона, должен признать, в конечном счете, несостоятельными; наконец, трудно себе представить, чтобы Платон, стремившийся подчинить любую область человеческой деятельности, которая попадала в сферу его интересов, авторитету носителей знания, действующего в этой области, мог смириться с тем, что в языке единственным кри-

терием правильности будет договор заурядных людей, которые способны присвоить любой вещи любое название³.

Долгое время в науке почти безраздельно господствовал взгляд на сократовские этимологии «Кратила» как пародийные, направленные против поисков высшей мудрости в языке современниками Платона. «Несерьезность» сократовской экспликации того, как именно слова могут быть подобиями обозначаемых ими вещей, бросает тень и на искренность сократовской защиты самого натуралистического принципа подобия⁴. Кроме того, в финальной части диалога Сократ демонстрирует Кра-

³ Франческо Адемолло, убежденный в том, что Платон является сторонником конвенционализма (см. далее), стремится объяснить его отход от обычного убеждения в том, что разум способен постичь любую область реальности и диктовать ей соответствующие критерии достижений и неудач: Адемолло полагает, что Платон, испытывая внутреннее тяготение к натурализму в силу своих фундаментальных предпочтений такого рода, тем не менее, пришел к выводу, что сфера соотношения слов и вещей представляет собой исключение — субъективное установление слов посредством договора вполне совместимо с пониманием реальности как независимой от субъекта (Ademollo 2022: 45–46). Вывод, который Адемолло здесь предполагает для Платона, в действительности соответствует в диалоге взглядам Гермогена (385 e – 386 a), который защищает произвольность установления имен, но отвергает при этом релятивизм Протагора. Убедительность атрибуции этого воззрения самому Платону целиком зависит от того, признаем ли мы вместе с Адемолло опровержение Сократом Гермогена, которое непосредственно следует за этим высказыванием (рассуждение об имени как «орудии», свойства которого должны объективно соответствовать его функции как «орудия», то есть определению сущности вещи, которой присвоено это имя), намеренно основанным на логических ошибках, которые должен заметить читатель диалога. Если же, как полагают многие исследователи диалога, Платон сам является сторонником учения об именах как «орудиях» и не допускает намеренных ошибок в аргументации, вложенной в уста Сократа, то у нас нет оснований приписывать Платону мысль Гермогена, но, напротив, есть серьезные основания полагать, что Платон, в отличие от Гермогена, усматривал противоречие между признанием объективной, не зависящей от субъекта реальности, и поддержкой одновременно произвольного установления имен.

⁴ Хорошо видно, что ученые, считающие Платона конвенционалистом в полном смысле, обычно ссылались на «несерьезность» сократовских этимологий.

тилу, что этимологии, по крайней мере, части слов свидетельствуют, что создатели языка не во всех случаях были сторонниками гераклитовского учения о всеобщей изменчивости, но одобряли, напротив, покой, и негативно относились к движению, откуда следует, что слова не могут быть источником непротиворечивого знания о вещах и их следует познавать прямо, не через слова. Сторонники того, что конечную победу в диалоге одерживает конвенционализм, видят в этих аргументах косвенное опровержение аргументов Сократа в первой части диалога в пользу того, что имена это орудия, которые служат наставлению о природе обозначаемых ими вещей.

Научная ситуация изменилась с конца 90-х годов прошлого столетия, после появления работ Дэвида Сэдли, который привел веские доводы против понимания сократовских этимологий как пародии: этимологии «Кратила», как показывает Сэдли, не отличаются от тех, что практиковались в античности и в Новое время вплоть до появления сравнительно-исторического языкознания; сходные с «Кратилом» этимологии имеются и в других диалогах Платона, где нет оснований предполагать их полемическое назначение; неизвестны какие-либо античные примеры критики отдельных этимологий или методов этимологизации с точки зрения их лингвистической корректности. Опираясь на эти соображения, Сэдли рассматривает этимологическую часть диалога как закономерное продолжение аргументации Сократа против конвенционализма Гермогена, где доказывалось: слова это «орудия», назначение которых состоит в различении существенных свойств вещей; поэтому слова должны создаваться в соответствии с этой функцией не обычными людьми, но сведущим «законодателем»; эти создатели языка должны воплощать в «материале» звуков ту «форму» слова, которая «от природы» соответствует называемому предмету.

Этимологическая часть демонстрирует, что означает для слова быть соответствующим предмету: слово «декодируется» путем этимологизации как описание существенных свойств предмета. Этимологии показывают, что важнейшая по своему характеру лексика греческого языка создана древними «законодателями» как сжатые определения свойств вещей, а не как произвольные обозначения, установленные посредством договора. Наконец, заключительная часть диалога, беседа Сократа с Кратилом, содержит последовательное опровержение ряда положений радикального натурализма, т. е. требование абсолютного сходства имен с обозначаемыми вещами; в ней

опровергается тезис Кратила, что этимологизация — это главный метод познания вещей, посредством доказательства, что мнения о вещах древних создателей языка нельзя считать безошибочными. Вместе с тем, как полагает Сэдли, основные положения натурализма, которые Сократ защищал в первой части диалога (назначение имен состоит в том, чтобы служить «орудиями» для различения существенных свойств вещей), ни прямо ни косвенно не подорваны этой критикой. Аналогичным образом, не ставится под сомнение и *экзегетическая* корректность сократовской этимологизации, а, значит, и его демонстрация того, что греческий язык создан согласно принципам натурализма, хотя сами значения слов, которые выявила этимологизация, оказываются, как показано в финальной части диалога, не всегда успешными определениями вещей в философском плане, так как они показывают одностороннее, гераклитовское понимание мира как находящегося в состоянии непрерывной и абсолютной изменчивости (Sedley 1998; 2003)⁵.

Эта взвешенная и глубокая интерпретация разрушает стереотипы в отношении к «Кратилу» и дает убедительные ответы на многие вопросы, давно являющиеся предметом научных споров. Она привлекательна своей последовательностью в понимании всех частей диалога как защиты натурализма: аргументация Сократа в пользу натурализма в его беседе с Гермогеном рассматривается как соответствующая воззрениям самого Платона; этимологическая часть, в большинстве случаев рассматривавшаяся ранее как критическая пародия, дискредитирующая языковые спекуляции платоновских современников (занимающая больше половины всего текста диалога!), получает у Сэдли гораздо более убедительную интерпретацию как органическая часть платоновской защиты натурализма. Последняя часть диалога, нередко воспринимавшаяся как серьезная уступка конвенционализму, а иногда даже как изощренное опровержение Сократом его собственных доводов в пользу натурализма в первой части (Р. Робинсон и М. Скофилд), обретает у Сэдли то значение, которое соответствует высказываниям самого Сократа: в ней ограничиваются претензии радикального натурализма в лице Кратила, отвергающего значительную часть языка из-за ее несоответствия его высоким

⁵ Сэдли доказывает, что приверженность Платона лингвистическому натурализму подтверждают также некоторые пассажи более позднего «Софиста» (Sedley 2019).

стандартам правильности (*splendid isolation*). Тем самым сохранен сам этот принцип как критерий, позволяющий оценивать качество соответствия имен их референтам в широком диапазоне от совершенных до негодно установленных имен.

Но несмотря на привлекательность концепции Дэвида Сэдли, мы не можем согласиться со всеми ее положениями: убедительно (для нас) доказательство того, что Платон является сторонником натурализма; более спорно, по нашему мнению, то, что этимологическую реконструкцию Сократом взглядов древних создателей языка Платон считает безусловно корректной. Сэдли, видимо, прав, что Платон не в большей степени, чем его современники, располагал критериями надежной и ненадежной этимологизации. Но существенно указание Сократа в заключительной части диалога, что, по крайней мере, одно слово, ἐπιστήμη, может быть этимологизировано иначе, чем он предлагал ранее (437 а 2 – 8), так как в нем можно усмотреть положительную оценку идеи покоя, а не гераклитовского движения. Это наводит на мысль, что, результаты этимологизирования для Платона все же ненадежны (несколько замечаний указывает на это и в ходе самой этимологизации), не в силу, однако, применения к ним лингвистических критериев, но в силу замеченной им пристрастности этимологизаторов, ищущих в языке подтверждения своим противоположным взглядам. Насколько далеко простирается это сомнение в этимологизации вообще, диалог, на наш взгляд, не стремится определить, поскольку Платона больше заботит применение стандартов натурализма к реальному языку, то есть для оценки «правильности» имен как «орудий» точного выражения философской мысли (дескриптивные слова). Реконструкция прошлого языка путем этимологизации, очевидно, в достаточной степени, по его мнению, демонстрирует, что практически все без исключения имена для основных понятий это дескриптивные слова, а не произвольные обозначения конвенционалистов. Точность же и надежность этой реконструкции менее существенна, так как Платон лишь в ограниченной степени интересуется самими отразившимися в языке воззрениями его создателей; их мнения, как и мнения вообще, для него, в отличие от Кратила, не могут сами по себе служить опорой в поисках истины: трудно решить, искренен ли Платон, изображая древних создателей языка как протофилософов с гераклитовскими и антигераклитовскими воззрениями, или специально наделяет их однозначно противоположными воззрениями, чтобы тем легче показать несосто-

тельность апелляции к авторитету языка, а заодно подвергнуть в финале критике гераклитизм Кратила. Также не лишено трудностей суждение Сэдли, что Платон в целом считает греческий язык соответствующим натуралистическому стандарту «правильности», то есть выносит своему родному языку одобрительный вердикт в плане истинности значительной части суждений его создателей, отразившихся в этимологиях (Сэдли возражает тем самым исследователям, начиная с Т. Бенфея, которые полагали, что сократовские принципы натурализма относятся к идеальному, а не существующему языку). Каких-либо признаков проекта идеального языка или реформы существующего языка в диалоге действительно нет, но в последующих диалогах не наблюдается и готовности систематически учитывать дескриптивную сторону слов, в том экзотическом варианте их «декодирования», который представлен в «Кратиле», при обсуждении философских вопросов⁶.

Истолкование философского произведения, как и художественного, в качестве целого не может быть, конечно, равно убедительным для всех исследователей, так как воссоздание системы воззрений изучаемого автора всегда отчасти гипотетично, ибо реконструкция стремится к последовательности, а мысль автора оставляет пробелы. Кроме того, трудно достичь согласия в суждениях ученых о том, как различные суждения автора согласуются между собой в рамках его общей концепции. В случае с «Кратилом» дополнительную трудность создает специфическая, но нередкая в платоноведении ситуация, когда прямые, на первый взгляд, ответы главного протагониста,

⁶ Апелляции к смелым этимологиям, раскрывающим неочевидные значения слов, которые сродни открытию «философских» воззрений древних создателей языка в «Кратиле», в других платоновских диалогах, на которые обращает внимание Сэдли (Sedley 1999: 141–142; 2003: 24–28; 38–39), все же не так многочисленны и не создают впечатления постоянного интереса. Возможно, приверженность Платона лингвистическому натурализму, который он защищает в первой части диалога скорее находит отражение в его гораздо более осторожных попытках в других диалогах переосмыслить принятое значение слов, в том числе и в направлении их этимологического значения, и вводит неологизмы (см. примеры, приведенные в книге К. Й. Классена, которые, как правило, не принимаются во внимание в современных дискуссиях о «Кратиле», Classen 1959: 85–96; 120–137), ср. далее предположение В. Гольдшмидта об интересе Платона к реформированию философского языка.

Сократа, не устраивают значительную часть исследователей, так как расходятся с их впечатлением от диалога в целом. Отсюда возникает понятное желание обнаружить в аргументации Сократа недостатки, которые можно счесть намеренно введенными Платоном паралогизмами, не замеченными участниками диалога, включая самого Сократа: эти логические ошибки должны, как полагают эти исследователи, служить указанием для читателя, что его собственные выводы не должны совпадать с теми, к которым приходят участники дискуссии.

Поэтому по-своему примечательно, что вслед за монографией Сэдли, опирающейся в первую очередь на прямые суждения и аргументы Сократа в диалоге, появился комментарий к диалогу Франческо Адемолло, использующий в значительной мере иную герменевтическую стратегию. Адемолло согласен с Сэдли, что Платон не ставит под сомнение «экзегетическую» корректность сократовских этимологий. Однако наличие в языке свидетельств того, что слова создаются в качестве описаний свойств обозначаемых ими вещей, как стремится доказать Адемолло, не служит для Платона доводом в пользу натурализма, в пользу «правильной» дескриптивности как нормы для языка. Подобно Робинсону и Скофилду, Адемолло полагает, что аргументация Сократа против Кратила ведет к полной победе конвенционализма и опровержению претензий натурализма. Однако, в отличие от этих ученых, Адемолло согласен с тем, что сами высказывания Сократа, подводящие итог его рассуждениям в этой части диалога (435 b 2 – с 6), говорят не об опровержении натурализма, но лишь об уступке конвенции определенной роли в обозначении, наряду с дескрипцией. Адемолло полагает поэтому, что Сократ как персонаж диалога в этой части беседы пока еще не сознает того, что ясно самому Платону и что должно быть понятно компетентному читателю. Согласно Адемолло, только в финале, после того как Сократ продемонстрировал, что слова не могут служить надежным источником познания вещей, конвенционализм побеждает окончательно, «так как, если имя может нести ложную информацию о референте, то ясно, что оно может обозначать этот референт только в силу конвенции» (Ademollo 2011, 419)⁷.

⁷ Обсуждение финальной части «Кратила» выходит за рамки этой статьи. Здесь ограничимся лишь констатацией того, что, по нашему мнению, эта часть не проливает свет на исход коллизии натурализма и

Подобная герменевтика, отличающая аргументы и выводы Сократа от невысказанных мыслей самого Платона, который тем самым стимулирует самостоятельный философский поиск читателя, разумеется, имеет право на существование. При этом, однако, стоит помнить, что обнаружение дефектов в аргументах Сократа не вызывает однозначного согласия у исследователей диалога, подходящих к нему во всеоружии современной логики и филологии. У нас нет, таким образом, уверенности, что эти логические ошибки сознавались самим Платоном. Кроме того, даже если Платон сознавал слабость некоторых аргументов Сократа в защиту натурализма, это еще не означает, что он сделал их некорректными намеренно. Он мог привести их за

конвенционализма в диалоге. При обсуждении слова $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$ Сократ в связи с ним и аналогичными словами действительно говорит о «правильности согласно договору» (435 а 8, б 6 – с 7), то есть о том, что использование имени регулируется соглашением, а не определяется сходством с вещью. Договор при этом служит восполнением недостатка в сходстве или заменой сходства, где оно недостижимо, и, по крайней мере, в этом плане никак не подрывает принцип сходства как стандарт для языка. Адемолло, видимо, склонен рассматривать ошибочные имена в финальной части «Кратила» как нечто в том же роде. Однако в действительности слово $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$ ошибочно только в плане неадекватной передачи верного суждения создателя языка о соответствующей вещи, тогда как имена в финальной части ошибочны как отражение ложных суждений о мире их создателей. Подобные имена, содержащие ошибочную информацию об их носителях, уже возникали в ходе дискуссии (например, имя «Гермоген», не соответствующее свойствам его носителя). Для нас сегодня это имена, ошибочные в плане дескрипции, но обеспечивающие надежную референцию в силу договора. Но у нас нет прямых указаний, считает ли Сократ подобные имена правильными в каком бы то ни было смысле: его беседа с Гермогеном показывает, во всяком случае, что ему не импонируют имена, обозначающие вещи без сходства с ними, только в силу соглашения; мы пытаемся показать, что в диалоге имеются указания подтверждающие неизменность этого суждения вплоть до конца дискуссии. Кроме того, наличие в языке имен, отражающих ошибочные мнения создателей языка о тех или иных вещах, не означает, что все имена ошибочны в этом смысле в глазах Платона. Еще меньше существование подобных слов подрывает сам натуралистический принцип, основанный для Платона не на том, каков в действительности язык, но на том, какому стандарту должны соответствовать имена в соответствии с их назначением, наставлять об истинных свойствах обозначаемых ими вещей.

неимением лучших, так как был убежден в истинности теории, которую они защищают⁸.

Появление в пределах почти одного десятилетия двух выдающихся работ, посвященных «Кратилу», приходящих к противоположным результатам, в интересующем нас вопросе, на первый взгляд, обескураживает. В действительности, однако, обе книги, Сэдли и Адемолло, содержат решение многих трудностей и выводят изучение диалога на более высокий уровень, что должно скорее вызывать оптимизм и веру в то, что и другие трудности будут решены, что приведет в свою очередь, несомненно, к появлению новых.

Последние десятилетия показывают не угасание, но скорее рост споров относительно позиции Платона в отношении натурализма и конвенционализма⁹. Наряду с теми, кто, подобно Сэдли, считает Платона натуралистом, разделяющим доводы Сократа в пользу натурализма, или конвенционалистом, который не согласен с этими доводами (Робинсон, Скофилд, Адемолло)¹⁰, стоит упомянуть ученых, которые находят у Платона более сложную версию натурализма. Давид Майсснер развивает интерпретацию, предложенную ранее Н. Крецманом и Б. Вильямсом: он доказывает, что радикальные тезисы, с которыми выступает Кратил в дискуссии с Сократом (именами могут считаться только точные подобия обозначаемых ими вещей), это естественное следствие того гипернатурализма, который сам Сократ защищал в разделах об этимологической и «миметической» правильности слов; опровержение этих тезисов свидетельствует, что лежащее в основе этих разделов

⁸ Здесь стоит напомнить, что Платон до конца жизни не сумел найти возражений против аргументов, опровергающих его теорию идей и их отношения к чувственным вещам, высказанных Парменидом в одноименном диалоге и принадлежащих, судя по всему, самому Платону. Некоторые из этих аргументов были позднее использованы Аристотелем в его критике Платона. Эти вопросы имели для Платона гораздо большее значение, чем дилемма натурализм/конвенционализм в теории языка. Но отсутствие убедительных контраргументов не помешало Платону и далее придерживаться теории идей в диалогах более поздних, чем «Парменид», вплоть до последнего диалога, «Законы».

⁹ Странники обеих противоположных точек зрения названы в статье А. Сильвермана (Silverman 1992: 25–26); более новая литература приведена в детальном обзоре Д. Майсснера (Meißner 2023).

¹⁰ В пользу конвенционализма Платона высказывается также И. Смит (Smith 2008: 2014).

воззрение ошибочно, но сохраняет силу выдвинутое Сократом в первой части против конвенционализма Гермогена положение об имени как орудии для обозначения вещей (Meissner 2022). Существуют и более сложные позиции в определении взглядов Платона. Например, Т. Бакстер считает, что аргументы Сократа против Кратила доказывают лишь, что греческий язык не соответствует стандартам натурализма, но идеальный язык может быть создан «законодателем», который будет руководствоваться наставлениями философа-диалектика, в соответствии с рассуждением Сократа в первой части диалога (Baxter 1992)¹¹. Рэчел Барни полагает, что Платон был сторонником натуралистического соответствия слова и вещи, но видел невозможность достижения этого идеала и потому вынужденно склонился в пользу конвенционализма (платоновский «пессимизм»)¹². Некоторые ученые, очевидно, не находя возможности отдать предпочтение в этой научной дискуссии доводам одной из сторон, утверждают, что дилемма натурализм/конвенционализм применительно к диалогу не имеет решения для нас и даже не была релевантна для самого Платона¹³. Мы не можем с этим согласиться, так как устами Сократа в тексте определенно выражено отношение к этой коллизии. Как бы ни было трудно истолкование самого этого места из-за его лапидарности и сложностей соотношения его со всей дискуссией в диалоге, эта интерпретация необходима, а приближение к верному пониманию возможно.

Хотя для понимания результатов рассуждений Сократа в необходимо учитывать, разумеется, все части диалога, в этой статье мы ограничимся только беседой Сократа и Кратила и в первую очередь — в той ее части, в которой находятся прямые (и последние в диалоге) высказывания Сократа о его отношении к натурализму и конвенционализму, вызывающие разногласия у исследователей диалога. На наш взгляд, они имеют

¹¹ См. особенно: Baxter 1992: 80–85, 186. Главным предшественником Бакстера был Теодор Бенфей (Benfey 1866: 189–330); В. Гольдшмидт, а за ним Й. Дерболав были сторонниками модифицированной версии того же понимания диалога: Платон стремился к реформированию своего собственного философского языка в духе натурализма, в соответствии с теоретическими результатами «Кратила» (Goldschmidt 1940; Derbolav 1972: 57). Эти суждения, по нашему мнению, заслуживают внимания.

¹² Barney 2001: 134–142.

¹³ См. Keller 2000.

ключевое значение для понимания позиции Платона. При этом нельзя ограничиться простой, пусть и справедливой констатацией, что сами эти слова указывают на компромисс между натурализмом и конвенционализмом, так как немедленно возникает вопрос, почему этот компромисс не предполагает полного отказа от натурализма в пользу конвенционализма. Рассуждение Сократа дает, как нам представляется, ответ на этот вопрос.

Итак, обратимся к той части аргументации Сократа против Кратила, в которой собеседники возвращаются к вопросу о роли конвенции в правильном обозначении вещей. В предыдущей части беседы Сократ вынуждает своими доводами Кратила смягчить требования к соответствию языковых выражений обозначаемой ими реальности: Кратил готов теперь согласиться, что древние «законодатели», создатели языка, не были непогрешимы и созданные ими слова могут быть более и менее точными подобиями вещей (431 a8 – 433 b 7); кроме того, Кратил вынужден признать, что слова и высказывания в принципе не могут быть точным подобием вещей, и следует считать критерием истинности слова и высказывания их соответствие вещам «в общих чертах», несмотря на присутствие лишних, не соответствующих вещам элементов в словах и в речи в целом (432 с 7 – 433 а 3). Подобное воззрение оставляет место для различения истинных и ложных слов и высказываний, а внутри истинных позволяет различать более или менее «прекрасные» и «дурные», в соответствии с тем, все ли их элементы соответствуют обозначаемым вещам или таких соответствующих элементов мало (433 а 4–6). При этом Сократ настаивает на том, что чрезмерность требований к соответствию слов вещам угрожает отказом от самого этого принципа как недостижимого (433 а 6 – b5)¹⁴. Приверженность Сократа принципу

¹⁴ Более точно дилемма, которую формулирует здесь Сократ, выглядит следующим образом: Кратил либо должен признать, что слова и высказывания обозначают вещи, даже если содержат элементы, неподобные этим вещам, до тех пор, пока они передают главные черты вещей (τύλος), при чем передают их лучше или хуже, в зависимости от того, сколь много несоответствующих элементов содержит речь, либо отказаться от самого принципа, что слово есть раскрытие свойств вещи (δῆλωμα πράγματος) при помощи букв и слогов. Иными словами, природа подражания вещам при помощи букв и слогов такова, что требование к чрезмерной точности подобия, делает само это подражание неосуществимым. δῆλωμα в диалоге не обязательно

натурализма в течение этой части дискуссии, таким образом, не вызывает подозрений.

Иначе обстоит дело с той частью рассуждения, к которой мы сейчас обратимся и в которой некоторые исследователи находят отказ Сократа от натурализма. Итак, Сократ возвращает Кратила к уже затрагивавшейся им теме — совершенно установленное имя должно состоять целиком из букв, соответствующих обозначаемой вещи, а имя отступающее от этого идеала, будет в значительной степени состоять из соответствующих букв, но будет содержать и не соответствующие (433 b 8 – c 7).

До этого момента, говоря о соответствии букв вещам, Сократ имел в виду их роль в образовании тех слов-этимонов, к которым может быть сведено анализируемое слово, и которые содержат сжатое определение вещи, которую обозначает это слово, а под несоответствующими понимались буквы, не участвующие в этимонах, т. е. паразитические. Однако теперь он переходит к значимости самих по себе букв в подражании свойствам вещей. Сократ напоминает своему собеседнику о своей гипотезе: существуют простейшие имена, которые уже не могут быть сведены путем этимологизации к другим именам. Подобные «первые имена» должны, чтобы быть правильными обозначениями, состоять из звуков, которые имитируют свойства своих референтов. В этом месте Сократ снова напоминает Кратилу, что есть два способ обозначения вещей: в соответствии с первым, который одобряют они оба, нужно стремиться сделать эти первые имена как можно более подобными вещам, которые они будут обозначать; в соответствии со вторым (учение Гермогена), имена — это предмет договора, они служат обозначением соответствующих вещей только для тех, кто заключил этот договор и кто знает заранее вещи, которые эти

подразумевает натуралистическое обозначение вещей при помощи подобных им частей языка, но имеет более нейтральное значение, соответствующее и натуралистическому и конвенционалистскому способам обозначения вещей (см. чуть далее 433 d–e). Однако вплоть до 433 d–e, где $\delta\eta\lambda\omega\mu\alpha$ приобретает нейтральное значение, слова $\delta\eta\lambda\omega\omega$ и $\delta\eta\lambda\omega\mu\alpha$, хотя и употребляются иногда нейтрально, используются обычно в контексте миметического обозначения (см., напр., 422 d 1–3, 423 a 2, a 5). Во всяком случае, Кратил в этой части дискуссии еще игнорирует обозначение на основании договора. Так или иначе, дилемма, которую предлагает ему Сократ, при правильном выборе Кратила должна обеспечить «спасение» натуралистической теории от попыток довести ее до абсурда.

слова обозначают (то есть не узнают эту вещь благодаря дескриптивным свойствам имен, но знают заранее какое слово с какой вещью ассоциировано); «правильность имени» в таком случае это договор, и любое имя может сменить свое значение на любое иное, так как оно функционирует исключительно на основании договора (433 d 7 – e 9). Это, казалось бы, излишнее напоминание Кратилу, какой способ обозначения вещей тот предпочитает, нужно для того, чтобы еще подчеркнуть, что, помимо двух вариантов обозначения вещей, нет никакого иного, и что все дальнейшее рассуждение исходит из посылок натурализма. Насколько эти послылки до конца разделяются самим Сократом, нам предстоит еще взвесить.

После подтверждения Кратилом того, что он всецело одобряет сходство имен с вещами, Сократ замечает, что и здесь должен действовать тот же принцип различения более или менее «прекрасно» установленных слов — прекрасно установленные слова содержат «буквы», т. е. звуки, соответствующие своим номинатам, а менее совершенные наряду с соответствующими также несоответствующие (433 b 8 – c 7).

Приближаясь к основному аргументу, о котором сейчас пойдет речь, читатель диалога, если не сам Кратил, уже подготовлен к необходимости пожертвовать радикальностью первоначальной версии натурализма ради сохранения самого принципа этой теории. Теперь Сократ напоминает Кратилу о том, что буква «*ρ*» подобна резкому порыву и движению, а также твердости (φοῦρᾶ καὶ κινήσει καὶ σκληρότητι), «лямбда» же гладкости, мягкости, и другим схожим «вещам». Сократ предлагает Кратилу рассмотреть следствия из этой теории, которую Кратил решительно одобряет, для слова σκληρότης, «твердость»¹⁵, которое не имеет этимологии и является одним из «первых», фундаментальных для языка слов, соответствие которых обозначаемым ими вещам обеспечивается миметическими свойствами «букв», т. е. звуков, входящих в состав подобных слов. Он напоминает о том, что в ионийском диалекте Эретрии

¹⁵ σκληρότης в этом месте обычно переводят как «твердость», но само слово многозначно; в зависимости от контекста оно может соответствовать не только «твердости», но и «жесткости», а также «сухости», кроме того, «резкости» применительно к вкусовым ощущениям. Сократ в своем рассуждении о «миметических» свойствах «букв» также называет целый спектр ассоциативных значений, передаваемых каждой буквой.

(остров Евбея) аттическому σκληρότης соответствует форма σκληροτήρ, и задает вопрос, подобны ли «*ро*» и «*сигма*» одной и той вещи и обозначает ли это слово в каждом из своих вариантах эту вещь (то есть «твердость»), или же для одного из двух народов оно не имеет этого значения¹⁶. Кратил утверждает, что оно имеет одно и то же значение для обоих народов. А на вопрос Сократа, «имеют ли они одно и то же значение, поскольку «*ро*» и «*сигма*» подобны друг другу или поскольку не подобны», Кратил отвечает, что в силу их подобия. «Подобны ли они во всех отношениях?», — задает Сократ следующий вопрос. Кратил отвечает, что эти буквы подобны друг другу, по крайней мере, в том, что обе «имитируют» форá, сильное, резкое движение.

Отсутствие реакции Сократа на последний ответ Кратила дает возможность исследователям диалога по-разному оценивать этот шаг в аргументации. Скофилд, Сэдли и Адемолло считают, что вопрос задан Сократом для того, чтобы заставить Кратила признать, что «*ро*» и «*сигма*» в окончании двух вариантов слова, обозначая движение, не могут означать «твердость», но делают из этого различные выводы. Скофилд считает, что ответ Кратила опровергает саму теорию символического значения звуков, так как читателю диалога ясно, что тогда и «*ро*» в середине слова означает «движение», а не «твердость» (Schofield 1982: 75). Сэдли полагает, что вопрос и ответ необходимы Сократу для следующего шага его аргументации — Кратил, признав, что «*ро*» и «*сигма*» в конечной части слова не несут идею «твердости», вынужден далее согласиться с тем, что в слове присутствует одно «*ро*», указывающее на «твердость, и одна «*лямбда*», указывающая на противоположное свойство: буквы, указывающие на противоположные свойства, таким образом, находятся в равном числе, и слово перестает быть подобием твердости (Sedley 2004: 143–144). Адемолло справедливо, как мы полагаем, отвергает предположение, что Сократ имеет в виду количественное равенство букв (не названное в тексте), но согласен с тем, что ответ Кратила мог бы вовлечь его в фатальные для натурализма трудности, если бы Сократ не предпочел нанести по натурализму еще более сильный удар своим следующим вопросом (Ademollo 2011: 393).

Подобные суждения о вопросе Сократа и ответе Кратила представляются нам ошибочными. Нужно помнить, что рассуж-

¹⁶ Мы следуем Адемолло 392 note 16 в понимании этого предложения.

дения Сократа о «миметических» свойствах букв представляет собой не детальную теорию, но только ее набросок. Из него ясно лишь, что древний создатель языка присвоил каждой букве особую символическую функцию в соответствии с тем специфическим движением, которое совершается органами речи при ее произнесении: буквы символизируют различные виды движения (или препятствия для движения) в природе, но также свойства вещей, благодаря которым они способны осуществлять подобное движение: например, буква «*rho*», при произнесении которой язык находится менее всего в состоянии покоя, но особенно сотрясается (426 e 4–5), была использована в слове *φορά*, обозначающем резкое и сильное движение в целом, затем в словах для разновидностей подобного движения (*ῥεῖν*, *τρόμος*, *τρέχειν*) и далее для слов, которые означают «разбивать», «рубить», «крушить на мелкие части» (*θραύειν*, *θρύπτειν*, *κερματίζειν*) и т. д., то есть для процессов, которые могут быть определены через движение, но для которых оно не является родовым понятием. При этом, поскольку в примерах, приводимых Сократом, буква «*rho*» обычно используется только один раз, то надо предположить, что остальные буквы этих слов символизируют уже специфические свойства отдельных разновидностей *φορά*. У нас есть также указание на символическое значение комбинации из нескольких букв: поскольку при произношении «*гаммы*» накладывается ограничение на свободное скольжение лямбды, законодатель использовал эту пару букв для слов, означающих «вязкое», «сладкое», «клейкое» (*γλίσχρον*, *γλυκύ*, *γλοιῶδες*), то есть соответствующих застывшей жидкой субстанции (427 b 4–7). В целом процесс создания «первых слов» характеризуется как их создание посредством продвижения через буквы и слова (427 c 6–8), из чего можно сделать вывод, что значение слова определяется не только символическими значениями отдельных букв, но и слогов. Говоря иначе, простейшие слова дескриптивны подобно сложным словам, которые уже можно этимологизировать, но только представляют собой определения, составленные не из слов, но из букв как естественных символов и их комбинаций.

Вернемся теперь к обсуждению собеседниками слова *σκληρότης*. Сократ, говоря, со ссылкой на свое рассуждение о символическом значении букв, что *τὸ ῥῶ τῆ φορᾶ καὶ κινήσει καὶ σκληρότητι προσέοικεν*, не вполне точен, так как *σκληρότης* не упоминалась там как одно из символических значений «*rho*». Однако идея «твердости» тесно сопряжена с процессами ломки,

рубки и т. д., в которых присутствует более общая идея резкого, сильного движения, так что развитие мысли в этом направлении вполне естественно.

Утвердительный ответ Кратила на вопрос, подобны ли «*ро*» и «*сигма*» твердости, и его следующий ответ, что они подобны друг другу не во всех отношениях, но постольку, поскольку обе обозначают *форá*, не содержит ни противоречия, ни угрозы для теории Сократа о символическом значении букв. Кратил делает верный вывод из прежних рассуждений Сократа, что «*ро*» и «*сигма*» символизируют общее свойство сильного резкого движения, и в этом подобны друг другу. То, что «*ро*», судя по словам Сократа, передает идею «твердости», означает лишь, что эта буква обязательный элемент для передачи более общей идеи сильного и резкого движения, специфическая же идея твердости передается комбинацией «*ро*» с другими буквами, в числе которых может быть и сигма. Конечная «*ро*» в эритрейском варианте слова не нужна для передачи идеи движения — как мы видели, для этого достаточно одного *ро*, но, благодаря своим символическим свойствам, «*ро*» в сочетании с другими буквами позволяет перейти от «движения» к более частному свойству твердости. Может ли это более частное свойство в равной степени передаваться благодаря *сигме* и *ро* в конце слова, нельзя исключить, так как Сократ не объяснял, насколько однозначными должны быть комбинации букв.

Мы полагаем поэтому, что вопрос Сократа имеет мирный характер: он нужен, чтобы подчеркнуть, что одна и та же общая идея может быть выражена разными комбинациями букв, лишь бы эти буквы по своему значению не вступали в противоречие с этой общей идеей. Именно подобный случай обсуждается в следующей, особенно важной для нас части беседы.

Но тогда, — спрашивает Сократ, — не обозначает ли «лямбда», которая присутствует в обоих вариантах слова *σκλήρότης*, нечто, противоположное тому, что обозначает слово *σκλήρότης* («мягкость», «гладкость» и т. п. в противоположность «твердости» и «жесткости»). Кратил легко находит выход из этой трудности, напоминая, что сам Сократ, этимологизируя слова, где необходимо, свободно добавлял и устранял буквы, восстанавливая истинную форму слова: «*лямбда*» «вставлена» в слово

σκληρότης ошибочно и вместо нее нужно произносить в этом слове «*po*»¹⁷.

Сократ готов признать наличие в слове σκληρότης ошибочной буквы, но задает вопрос: «Что же? Когда кто-нибудь произносит слово σκληρόν так, как оно произносится сейчас (т. е. с «лямбдой»), то мы не понимаем друг друга, и ты не знаешь, о чем я сейчас говорю (произнося это слово)?» Кратил отвечает: «Я без сомнения понимаю это слово благодаря обычаю» (Ἐγώ γε, διὰ γε τὸ ἔθος, ὃ φίλτατε).

Не вполне понятно, что в точности понимает Кратил под языковым обычаем, но несомненно этот ответ свидетельствует о сложном положении, в которой он оказался. Он, очевидно, стремится избежать неприятного для него ответа «благодаря соглашению», который логически следует из предшествующей дискуссии: оба собеседника признают, что возможны лишь два способа обозначения вещей — либо при помощи слов, которые обладают сходством с обозначаемыми вещами, либо при помощи слов, произвольно присвоенных вещам посредством договора¹⁸. Поскольку Кратил не разъясняет, как именно он понимает языковой обычай, остается неясным, как в точности он надеется избежать нежелательного для него вывода. Однако

¹⁷ Из ответа Кратила не вполне ясно, готов ли он теперь признать, что «законодатели», то есть первоначальные создатели языка, могли допускать ошибки, в соответствии с его вынужденным ранее согласием (431 e 6–9), или же он, продолжая испытывать неприязнь к этому навязанному ему положению (433 с 8–10), относит дефект слова σκληρότης на счет последующей его «порчи» заурядными носителями языка. Для дальнейшей аргументации Сократа это различие не имеет значения: его интересует не происхождение языковой «ошибки», но способы ее преодоления в речевой коммуникации.

¹⁸ Конвенционалистские импликации понятия «обычай», казалось бы, должны быть ясны Кратилу и читателям диалога: Гермоген, излагая свою теорию, утверждал, что «никакое слово не принадлежит никакой вещи от природы, но только в силу закона и обычая тех, кто ввел этот обычай и кто пользуется этими именами (384 d 7). Но это не означает, что Кратил, ссылаясь на языковой «обычай», использует это понятие в соответствии с теорией Гермогена: ср. рассуждение Сократа об именах, которые из поколения в поколение передает νόμος, сам же этот языковой закон-обычай установлен сведущим законодателем, создавшим слова, «от природы» пригодные для обозначения вещей, которым он их присвоил (388 d–e).

дальнейшее развитие беседы, как мы увидим, проливает свет на то, что он имеет в виду.

Сократ выражает удивление тем, что Кратил понимает под языковым обычаем нечто отличное от договора (Ἔθος δὲ λέγων οἷε τι διάφορον λέγειν συνθήκης;), но, не возражая, предлагает свое определение «обычая», которое должно быть приемлемым для Кратила: говоря об обычае, понимаешь ли ты что-то иное, чем то, что когда я произношу некое слово, я мыслю определенную вещь, а ты понимаешь, что я мыслю (ἢ ἄλλο τι λέγεις τὸ ἔθος ἢ ὅτι ἐγώ, ὅταν τοῦτο φθέγγωμαι, διανοοῦμαι ἐκεῖνο, σὺ δὲ γινώσκεις ὅτι ἐκεῖνο διανοοῦμαι; οὐ τοῦτο λέγεις).

Когда Кратил соглашается с такой интерпретацией языкового обычая, Сократ спрашивает, осуществляется ли в данном случае обозначение (δήλωμα) соответствующей вещи, коль скоро Кратил понимает что мыслит Сократ, когда тот произносит слово σκληρότης. Этот, на первый взгляд, невинный вопрос служит напоминанием о двух единственно возможных вариантах обозначения вещей — при посредстве имен, подобных обозначаемым вещам, или произвольных имен, установленных на основании договора. Утвердительный ответ Кратила позволяет Сократу немедленно сделать вывод что обозначение в данном случае достигается благодаря договору:

Ἀπὸ τοῦ ἀνομοίου γε ἢ ὁ διανοοῦμενος φθέγγομαι, εἶπερ τὸ λάβδα ἀνομοίον ἐστὶ τῆ ἢ φῆς σὺ σκληρότητι· εἰ δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει, τί ἄλλο ἢ αὐτὸς σαυτῷ συνέθου καὶ σοι γίγνεται ἡ ὀρθότης τοῦ ὀνόματος συνθήκη, ἐπειδὴ γε δηλοῖ καὶ τὰ ὅμοια καὶ τὰ ἀνόμοια γράμματα, ἔθους τε καὶ συνθήκης τυχόντα; εἰ δ' ὅτι μάλιστα μὴ ἐστὶ τὸ ἔθος συνθήκη, οὐκ ἂν καλῶς ἔτι ἔχοι λέγειν τὴν ὁμοιότητα δήλωμα εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἔθος· ἐκεῖνο γάρ, ὡς εἶοικε, καὶ ὁμοίῳ καὶ ἀνομοίῳ δηλοῖ.

a) [Значит, обозначение осуществляется] посредством того, что несходно с тем, что я мыслил, произнося это слово, коль скоро «лямбда» несходна с твердостью, как ты сам утверждаешь? b) Если же дело обстоит так, то что иное происходит, нежели то, что ты договорился сам с собой и правильность имени оказывается у тебя договором — c) ибо обозначение происходит при помощи как сходных (с вещью), так и несходных букв, которые оказались частью обычая и объектом договора. d) Если же, чего доброго, обычай это не договор, то уже не будет правильным утверждать, что обозначение должно осуществляться на основании сходства, но [будет правильным утверждать], что на основании обычая: ведь он, как кажется,

пользуется при обозначении как тем, что подобно [вещам], так и тем, что не подобно.

Логика этого рассуждения, на первый взгляд, ясна: Сократ стремится доказать Кратилу, что в случаях, подобных $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$, сходство имени с его референтом утрачено, и если имя, тем не менее, успешно обозначает этот референт, то это возможно только благодаря соглашению. Сократ сперва констатирует (а), что обозначение осуществляется посредством имени, которое не сходно со своим референтом, так как в нем содержится буква «лямбда», свойство которой противоположны «жесткости». Затем он делает вывод (б), что в таком случае должен действовать договор, языковая конвенция, опираясь на прямо не названную посылку, что обозначение возможно либо благодаря сходству имени с референтом, либо благодаря соглашению о значении имени.

Однако значение этого вывода для всей коллизии натурализма и конвенционализма учеными оценивается различно: Робинсон, Скофилд и Адемолло видят в этом пассаже свидетельство полной победы конвенционализма над натурализмом, Сэдли, напротив, считает, что Сократ делает лишь небольшую уступку конвенционализму, отводя договору лишь роль паллиативного средства, необходимого лишь для одной группы имен, то есть тех, в которых сходство их буквенного состава с обозначаемой вещью парализовано, как в данном случае. Позиции Сэдли несомненно сильнее в том, что касается непосредственного смысла платоновского текста: во-первых, вывод Сократа о действии договора основывается только на том, что имеет место в случае, подобном $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$; во-вторых, ограниченная роль договора в концепции Сократа следует из его дальнейших высказываний, которые завершают дискуссию (435 b 3–6; c 2–7), к которым нам еще предстоит обратиться. Сторонники конвенционалистской интерпретации диалога имеют в своем арсенале, во-первых, фразу $\tau\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\ \eta\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\ \sigma\alpha\upsilon\tau\acute{o}\ \sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\theta\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \sigma\omicron\iota\ \gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\tau\alpha\iota\ \eta\ \acute{o}\rho\theta\acute{o}\tau\eta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{o}\nu\acute{o}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\theta\eta\kappa\eta$, которая может быть истолкована как констатация того, что договор встает теперь на место сходства как единственный тип языковой «правильности»; во-вторых, пусть не прямо, эта часть рассуждения, как будто, делает сходство имени с вещью излишним, коль скоро договор успешно обеспечивает коммуникацию при отсутствии сходства.

Первое из этих соображений не представляется нам веским: утверждение σοι γίνεταί ἡ ὀρθότης τοῦ ὀνόματος συνθήκη само по себе может быть и общим выводом, относящимся к языку в целом, и более частным, затрагивающим только случаи, подобные рассмотренному здесь, контекст же несомненно говорит в пользу более узкого понимания, поскольку вывод сделан лишь на основании специфического случая и подобных ему. Второе соображение — несмотря на ограниченность оснований для этого вывода, в нем содержится имплицитная мысль, что сходство излишне, и договор может полностью заменить сходство — опирается в значительной мере на другие части диалога, в которых сторонники этой точки зрения обнаруживают тенденцию к дискредитации натурализма устами самого Сократа. Разбор подобных попыток, которые мы не считаем убедительными, выходит за рамки этой статьи. Здесь мы ограничимся только соображениями, почему, на наш взгляд, разбираемая часть диалога не дает оснований говорить о полной и даже значительной победе конвенционализма.

Остановимся на тех сторонах рассуждения Сократа, которые не получили достаточного внимания у наших предшественников и были, как нам представляется, не совсем верно ими поняты. Мы имеем в виду отсылку Кратила к языковому узусу. Ее обычно истолковывают как неудачную попытку избежать вывода, что понимание значения слова σκληρότης основано на договоре. Аргумент Сократа, как полагают, пресекает эту попытку, доказывая, что обычай это ничто иное как договор. Для этого в тексте имеются, казалось бы, ясные указания: Сократ выражает недоумение, что Кратил считает обычай чем-то отличным от договора, затем быстро демонстрирует ему, что договор в обсуждаемом случае имеет место, и затем еще раз предостерегает против утверждения, что «обычай не есть договор». И все же, Сократ не может иметь в виду полное тождество двух понятий. Во-первых, Сократ дает свое пояснение, что следует понимать под обычаем, которое звучит гораздо шире, чем понятие договора: говоря об обычае, понимаешь ли ты что-то иное чем то, что когда я произношу некое слово, я мыслю определенную вещь, а ты понимаешь, что я мыслю?¹⁹. Ясно, что такое определение охватывает и те

¹⁹ Адемолло не согласен с обычным пониманием слов ἢ ἄλλο τι λέγεις τὸ ἔθος ἢ и предлагает переводить 'or is the habit you're speaking of anything but the fact', поскольку следующие слова — это не уточнение

случаи, когда между словом и вещью существует внутреннее соответствие, и к тем, когда связь между ними произвольна и основывается лишь на договоре²⁰. В действительности, однако, это сфера не так широка, как представляется. Оба собеседника только что признали, что недостаточно сходства слова *σκληρότης* со своим денотатом для его безошибочного обозначения, и именно поэтому приходится апеллировать к «обычаю». Таким образом, Сократ лишь констатирует, что обычай это нечто, природа чего неясна, но что обеспечивает понимание. Именно эта неопределенность импонирует Кратилу, который стремится избежать угрожающего вывода, что единственная альтернатива сходству слова с его денотатом это договор, как он сам ранее признал.

Во-вторых, Сократ, уже показав Кратилу, что обычай нельзя отделить от договора, делает неожиданное предостережение: «d) Если же, чего доброго, обычай это не договор, то уже не будет правильным утверждать, что обозначение должно осуществляться на основании сходства, но [будет правильным утверждать], что на основании обычая: ведь он, как кажется, пользуется при обозначении как тем, что подобно [вещам], так и тем, что не подобно». Это место, в котором Сократ, казалось бы, решительно настаивает на тождестве обычая и договора, показывает на самом деле, что это различные понятия: необходимость договора доказывалась тем, что в случае со словом *σκληρότης* слово утратило сходство со своим референтом; напротив языковой обычай предполагает безразличное использование как сходных, так и несходных элементов.

термина «обычай», но описание того, что происходит, когда вступает в силу обычай. Он прав, что высказывание Сократа нельзя считать точным определением того, что такое обычай, однако ни здесь, ни далее *обычай* не определяется более точно (см. 435 а 9–10; b 2–3).

²⁰ Сэдли полагает, что такое широкое значение термина «обычай» в этом месте неправдоподобно, и поэтому понимает эту фразу как формулировку минимального условия успешной коммуникации, то есть ситуацию, при которой собеседники лишь понимают, о чем идет речь, но не передают друг другу описание свойств предмета, что равнозначно конвенционализму Гермогена (Sedley 2003: 139–140; note 23). Однако именно такое неопределенное понимание обычая устраивает Кратила, который легко соглашается с ним. Только следующий шаг Сократа демонстрирует ему, что понимание «в силу обычая» нельзя отделить от договора.

О значении этого места для исхода коллизии конвенционализма и натурализма мы скажем дальше. Пока сделаем вывод, что доказательство того, что обычай есть договор, надо понимать в более слабом смысле, чем доказательство полной взаимозаменяемости двух понятий: скорее имеется в виду, что обычай как недостаточно определенный принцип обязательно предполагает договор как нечто более определенное, соглашение с ясными условиями, компенсирующее недостаток сходства имени с его референтом. «Обычай», как его понимает Кратил, в чем с ним в целом согласен Сократ это тот реальный язык, который с детства усваивается всеми его носителями. Связь между именем и вещью в сознании носителей языка устанавливается не в силу сходства имен с вещами, но заучивается на основании традиции. В нашем современном понимании эта связь основана на конвенции, но для сторонника натурализма, как Кратил, она лишь восходит к древнему создателю языка и сохраняется по сей день, несмотря на недостатки буквенной выразительности слова. Компетентный носитель языка, каковым является Кратил, вынужден прибегать к опоре на обычай там, где он не в состоянии определить по звучанию слова его референцию.

Но каково мнение об обычае самого Сократа? В отличие от Кратила, он констатирует, что обычай предполагает договор, и тем самым, казалось бы, интерпретирует обычай в духе конвенционализма. Обратим, однако, внимание на то, что договор, который имеет в виду Сократ это не договор, соответствующий учению Гермогена, то есть договор, на основании которого любые заурядные носители языка могут установить любое имя для любой вещи и столь же свободно изменить его на другое произвольное имя. Договор, о котором говорит Сократ, это договор *с самим собой* компетентного носителя языка, его согласие с тем, что имена, символические свойства букв которых недостаточны для того, чтобы обозначать вещи в силу подобия, обозначают те вещи, с которыми они связаны в языковом обычае.

Оставляет ли такое понимание какое-либо место для произвольного установления имен путем договора? На наш взгляд, полновесный ответ на этот вопрос может быть дан только в сочетании с анализом первой части диалога: в ней Сократ доказывает, что стандартом правильных имен является дескриптивность, их способность точно описывать существенные свойства предметом. Эта способность делает имена пригодными «ору-

диями» для философского наставления и одновременно гарантирует прочность их связи с вещами, в качестве имен которых они созданы. Если, как мы думаем, эта аргументация сохраняет силу в завершающей части диалога, тогда то скромное место, которое в ней отведено договору для определенных, недостаточно совершенных «первых слов», не подрывает принцип натурализма в целом.

Здесь же укажем только на упоминавшееся выше высказывание Сократа, в котором содержится подтверждение того, что обсуждение трудностей, связанных со словом *σκληρότης*, и признание необходимости конвенции, не изменило его приверженности натурализму. Доказав, что языковой обычай предполагает договор, Сократ на мгновение допускает, что его аргументация неверна и обычай, как считал ранее Кратил, не предполагает конвенции (435 a 10):

εἰ δ' ὅτι μάλιστα μή ἐστὶ τὸ ἔθος συνθήκη, οὐκ ἂν καλῶς ἔτι ἔχοι λέγειν τὴν ὁμοιότητα δῆλωμα εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἔθος· ἐκεῖνο γάρ, ὡς εἶοικε, καὶ ὁμοίῳ καὶ ἀνομοίῳ δηλοῖ.

Если же, чего доброго²¹, обычай это не договор, то уже не будет правильным утверждать, что обозначение должно осуществляться на основании сходства, но [будет правильным утверждать], что на основании обычая: ведь он, как кажется, пользуется при обозначении как тем, что подобно [вещам], так и тем, что не подобно.

Итак, если рассуждение Сократа неверно и обычай не предполагает конвенцию своего рода, то собеседникам придется отказаться от того, что стандартом для языка является сходство имени с обозначаемой вещью. Тогда единственным стандартом станет обычай, поскольку он состоит в обозначении равно при посредстве сходных и несходных имен. Смысл этой дилеммы состоит в том, что если мы не признаем за обычаем роль стандарта только в исключительных случаях, когда апелляция к обычаю необходима из-за несходства имени и, значит, договора как паллиатива, то обычай угрожает вытеснить и сходство, и договор в качестве стандартов именно в силу своей

²¹ ὅτι μάλιστα, как справедливо отмечает Адемолло, служит обычно для введения предположения, которое говорящий не разделяет сам или даже заведомо считает неверным (Ademollo 2011: 402 n. 36, с примерами). Встречающееся понимание этого выражения здесь как «всецело», «целиком» (см. прим. 23) ошибочно.

неопределенности. Как носитель привычных связей между именами и вещами, он не различает их сходство и несходство друг с другом. Отвергая это допущение, Сократ прямо дает понять, что истинность его аргументации гарантирует сохранение натуралистического принципа²². Кратилу, таким образом, предлагается уступить соглашению некоторую роль в функционировании языка не только в силу аргументов Сократа, но и потому, что это обеспечивает сохранение дорогого для Кратила принципа подобия в качестве основного стандарта правильности имен.

С этой ограниченной уступкой конвенционализму согласуется следующий за этими словами вывод Сократа (435 b 3–d 1):

ἐπειδὴ δὲ ταῦτα συγχωροῦμεν, ὦ Κρατύλε — τὴν γὰρ σιγὴν σου συγχώρησιν θήσω — ἀναγκαῖόν που καὶ συνθήκην τι καὶ ἔθος

²² Этот шаг в аргументации Сократа и точное значение οὐκ ... ἔτι обычно не учитывается. Ученые обычно понимают эту фразу, напротив, как утверждение, что в обоих случаях, является ли обычай соглашением или нет, все равно будет неверным утверждать, что принципом обозначения является сходство. Schofield 1982: 77: “Even if habit is very far from being convention, it would still not be well to say that it is resemblance which is disclosure, but habit; for that, as it seems, discloses, and it does so by both what resembles and what does not resemble”; Reeve 1999: 87: “And even if usage is completely different from convention, still you must say that expressing something isn’t a matter of likeness but of usage”; Sedley 2004: 140: “And even if custom is not at all the same thing as agreement, it still would not be right to say that similarity is the means of indication”; Ademollo 2011: 402 f.: “And even if habit were not convention, still it would no longer be right to say that similarity is a means to indicate, but that habit is; for that, it seems, indicates both with something similar and with something dissimilar”. Переводы обычно игнорируют οὐκ ἔτι, которое нормально означает, что нечто уже не имеет места. Адемолло, который верно передает значение οὐκ ἔτι, тем не менее, добавляет ‘still’, которому ничего не соответствует в тексте, и понимает предложение так, что даже, если обычай отличается от договора, *все равно* уже нельзя будет утверждать, что сходство имени с денотатом служит языковым принципом. Все эти переводы придают главному предложению значение следствия, которое наступает независимо от того, имеет ли место условие, сформулированное в придаточном предложении. В действительности, однако, речь идет о следствии, которое наступает только при истинности это условия, а сама это истинность представлена как невероятное допущение. Правильный перевод см. (Dalimier 1999: 178): “D’ailleurs, à supposer que l’usage ne soit pas une convention, on ne serait plus en droit de dire que la ressemblance est le moyen de faire voire...”

συμβάλλεσθαι πρὸς δῆλωσιν ὧν διανοούμενοι λέγομεν· ἐπεὶ, ὦ βέλτιστε, εἰ
 'θέλεις ἐπὶ τὸν ἀριθμὸν ἐλθεῖν, πόθεν οἶε ἔξω ὀνόματα
 ὅμοια ἐνὶ ἐκάστῳ τῶν ἀριθμῶν ἐπενεγκεῖν, εἰ μὴ ἔξω τι
 τὴν σὴν ὁμολογίαν καὶ συνθήκην κύρος ἔχειν τῶν ὀνομάτων
 ὀρθότητος περὶ; ἐμοὶ μὲν οὖν καὶ αὐτῷ ἀρέσκει μὲν κατὰ τὸ
 δυνατόν ὅμοια εἶναι τὰ ὀνόματα τοῖς πράγμασιν· ἀλλὰ μὴ ὡς
 ἀληθῶς, τὸ τοῦ Ἑρμογένους, γλίσχρα ἢ ἡ ὀλκή αὐτῆ τῆς
 ὁμοιότητος, ἀναγκαῖον δὲ ἢ καὶ τῷ φορτικῷ τούτῳ προσχρῆσθαι, τῇ
 συνθήκῃ, εἰς ὀνομάτων ὀρθότητα. ἐπεὶ ἴσως κατὰ γε τὸ δυνατόν
 κάλλιστ' ἂν λέγοιτο ὅταν ἢ πᾶσιν ἢ ὡς πλείστοις ὁμοίοις λέγηται,
 τοῦτο δ' ἐστὶ προσήκουσιν, αἴσχιστα δὲ τοῦναντίον.

(1) Поскольку мы согласились с этим, — ведь твое молчание я понимаю как согласие, — то необходимо, чтобы *также и* договор вместе с обычаем содействовали обозначению тех вещей, которые мы мыслим. (2) Ибо, дорогой мой, если тебе угодно обратиться к числам, то откуда ты возьмешь имена, чтобы их присвоить каждому из чисел в отдельности, если ты не позволишь, чтобы *твое* согласие и договор *до какой-то степени* управляли правильностью имен. (3) Я и сам привержен тому, чтобы имена были (насколько это возможно) подобны вещам, но боюсь, что в самом деле это притягивание подобия становится, по выражению Гермогена, «взяким», и что необходимо *дополнительно воспользоваться* этой грубой вещью, договором, в отношении правильности имен. (4) Ибо, пожалуй, прекраснейшим будет такой способ высказывания, когда оно выражается [элементами речи], подобными [вещам], то есть соответствующими [им] либо целиком, либо насколько можно большим их числом, а самым негодным способом будет противоположный.

В этом суждении Сократа некоторые исследователи видят указания на явный, хотя и не последовательный (Робинсон, Скофилд)²³ отход Сократа от его прежней поддержки натурализма. Другие исследователи полагают, что читатель сам при-

²³ Robinson 1969: 122 (в словах Сократа сквозит лишь «тщетное сожаление», что сходство имен с вещами желательно но недостижимо; теория договора «вульгарна», но, как подразумевает, видимо, Сократ, не имеет альтернативы); Schofield 1982: 67–68 (открытие, при обсуждении слова σκληρότης, что натуралистическая теория вынуждена полагаться на идею «чистой конвенции», создает для Сократа решающее препятствие для принятия натурализма; он все еще утверждает, что одобряет идею сходства имен с вещами, насколько это возможно, но сознает, что цена, которую необходимо заплатить для обретения уверенности в ней слишком высока.

дет к выводу, что натурализм опровергнут (Адемолло)²⁴. Все эти ученые считают, что рассуждение о σκλήρότης логически должно было бы вести к признанию, что сходство имени и вещи излишне.

Другие (Р. Барни) полагают, что Сократ, как и раньше, выражает свою приверженность натурализму, но признает, что имена, опять-таки на основании случая σκλήρότης, не могут полностью соответствовать своему назначению — быть подобиями вещей (Barney 2001: 137).

Мы, однако, согласны с Сэдли (Sedley 2004: 140–145) в том, что эти высказывания Сократа вполне соответствуют той умеренной форме натурализма, которую он защищает на протяжении всего диалога: договору отводится (см. (1) и (2)) роль лишь дополнительного средства обозначения, необходимого там, где сходство имени с вещью по тем или иным причинам оказывается недостаточным для узнавания вещи. Основание думать, что Сократ имеет в виду принципиальную недостижимость натуралистического сходства, дает только (3), если считать, что это высказывание относится к языку вообще (γλίσχρα ἢ ἡ ὀλκή αὐτῆ τῆς ὁμοιότητος). Утверждение Сократа, что ему импонирует натурализм (ἐμοὶ μὲν οὖν καὶ αὐτῶ ἀρέσκει μὲν κατὰ τὸ δυνατόν ὅμοια εἶναι τὰ ὀνόματα τοῖς πράγμασιν), можно было бы понять как признание его нереализуемости. Однако такому пониманию препятствует вывод, снова указывающий только на дополнительную роль договора (ἀναγκαῖον δὲ ἢ καὶ τῶ φρικῶ τούτῳ προσχρῆσθαι, τῇ συνθήκῃ, εἰς ὀνομάτων ὀρθότητα). Поэтому следует видеть здесь не отказ от желаемого, но недостижимого сходства, но лишь сожаление, что сходство не всегда возможно в желаемой степени и

²⁴ Ademollo 2011: 406–407, 418–421: хотя буквально слова Сократа означают лишь частичную уступку конвенционализму, роль соглашения в понимании слова σκλήρότης могла бы позволить ему высказаться в пользу полновесного конвенционализма. Отказ Платона от этого вывода нужен для того, чтобы у читателя не угас интерес к следующей части дискуссии, в которой Сократ обсуждает тезис Кратила, что знание имен обеспечивает знание самих вещей (435 d – 439 b). Опровержение этого тезиса путем доказательства, что имена могут отражать ошибочные мнения их создателей, раскрывает, наконец, читателю глаза, как полагает Адемолло, что имена обозначают свои референты на основе конвенции (см. выше прим. 7 против того, что эта финальная часть имеет отношение к коллизии натурализма — конвенционализма).

конвенции поэтому нельзя избежать. Наиболее важное указание в пользу натурализма содержит (4): если допустить, что Сократ отказался от принципа сходства имени с вещью, как мог бы он утверждать, что прекраснейший способ обозначения — это полное или насколько можно большее подобие имени и денотата, а наихудший — противоположный ему? Подобная оценка, соответствующая тому, что Сократ неоднократно утверждал ранее (433 а 4–6; 433 с 3–7), несовместима с одобрением конвенционализма как принципа; маловероятно и то, чтобы за таким высказыванием стояло убеждение, что натурализм превосходит, но неосуществим.

Этот пассаж, таким образом, не содержит внутренних противоречий и определено свидетельствует о натурализме как завершающем высказывании Сократа (а с ним и Платона) в диалоге. Мы доказывали, что предшествующее рассуждение о слове *σκληρότης* не противоречит этой позиции, но наоборот подготавливает ее, внося дополнительный, но важный компонент в концепцию Сократа, который считает недостижимым полное сходство имени с его референтом: недостаток сходства должен компенсироваться соглашением.

Соглашение понимается не как договор носителей языка между собой о произвольном значении слова, но является внутренним договором компетентного носителя языка, способного распознать сходство слова и вещи, его согласиен на то, что в определенных случаях приходится полагаться на закрепленное в обыденном языке значение слова. Мысль, что сам этот языковой узус восходит не к произвольным соглашениям носителей языка, но к авторитету его древних создателей, не высказана прямо, но кажется весьма вероятной. Добавим, что трудность, представленная на примере *σκληρότης*, в силу высказанных ранее соображений, не выглядит исключительной (в этом мы согласны с оппонентами Сэдди), однако она не подрывает, в глазах Платона, сам принцип натурализма.

Литература

- Ademollo, F. 2011: *The Cratylus of Plato. A Commentary*. Cambridge.
Ademollo, F. 2022: Intentionality and Referentiality in Plato's *Cratylus*. In: Mikeš V. (ed.) *Plato's Cratylus*. Leiden, 48–64.
Baxter, T. M. S. 1992: *The Cratylus: Plato's Critique of Naming*. *Philosophia Antiqua* 58. Leiden, etc.
Barney, R. 2001: *Names and Nature in Plato's Cratylus*. New York; London.

- Benfey, Th. 1866: Die Aufgabe des Platonischen Dialogs Kratylus. *Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen* 12, 189–330.
- Classen, C. J. 1959: Sprachliche Deutung als Triebkraft platonischen und sokratischen Philosophierens, *Zetemata* 22. München.
- Dalimier, C. 1999: Platon: *Cratyle*. Paris.
- Derbolav, J. 1972: *Platons Sprachphilosophie im Kratylus und in den späteren Schriften*. Darmstadt.
- Friedländer, P. 1964: *Platon*. Bd. II. Berlin.
- Goldschmidt, V. *Essai sur le Cratyle*. Paris.
- Keller, S. 2000: An Interpretation of Plato's Cratylus, *Phronesis*. 50, 284–305.
- Meißner, D. 2022: Reappraising Plato's Cratylus, *Archiv für Geschichte der Philosophie*, forthcoming; online: 24 March 2022. doi:10.1515/agph-2021-0017.
- Meißner, D. 2023: Plato's Cratylus. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), forthcoming URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/plato-cratylus/>>.
- Reeve, C. D. C. 1999: Plato, *Cratylus*. Translated with Introduction & Notes. Indianapolis; Cambridge.
- Robinson, R. 1969: A Criticism of Plato's *Cratylus* [1956]. In: Robinson R. *Essays in Greek Philosophy*. Oxford, 118–138.
- Schofield M. 1982: The Denouement of the Cratylus. In: M. Schofield and M. C. Nussbaum (ed.), *Language and Logos: Studies in Ancient Greek Philosophy presented to G.E.L. Owen*. Cambridge, 61–81.
- Sedley, D. 1998: The Etymology in Plato's *Cratylus*. *Journal of Hellenic Studies*. 118, 140–154.
- Sedley, D. 2003: *Plato's Cratylus*. Cambridge.
- Sedley, D. 2019: Etymology in Plato's *Sophist*. *Hyperboreus*. 25/2, 290–301.
- Silverman, A. 1992: Plato's *Cratylus*: the Naming of Nature and the Nature of Naming, *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. 10, 25–72.
- Smith, I. 2008: False Names: Demonstration and Refutation of Linguistic Naturalism in Plato. *Phronesis* 53, 125–151.
- Smith, I. 2014: Taking the Tool Analogy Seriously: Forms and Naming in the *Cratylus*. *Cambridge Classical Journal* 60, 75–99